

Савина Анна Викторовна

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЯХ КАЛЬВИНИЗМА

Статья посвящена трактовке политических идей кальвинизма в работах знаменитого российского ученого М. М. Ковалевского (1851-1916). Основным источником послужил его фундаментальный труд "От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму" (1906). Автор статьи исследует оценки историка в отношении политических идей Ж. Кальвина и его последователей во Франции, Англии, Шотландии, а также позицию ученого по вопросу о значении Реформации в формировании либерально-демократических идей Нового времени.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-4/35.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. IV. С. 149-151. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

УДК 9; 94

Исторические науки и археология

Статья посвящена трактовке политических идей кальвинизма в работах знаменитого российского ученого М. М. Ковалевского (1851-1916). Основным источником послужил его фундаментальный труд «От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму» (1906). Автор статьи исследует оценки историка в отношении политических идей Ж. Кальвина и его последователей во Франции, Англии, Шотландии, а также позицию ученого по вопросу о значении Реформации в формировании либерально-демократических идей Нового времени.

Ключевые слова и фразы: М. М. Ковалевский; Реформация; кальвинизм; Ж. Кальвин; монархомахи; тираноборцы; протестантизм.

Савина Анна Викторовна

Вологодский государственный университет
avsavina@ya.ru

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЯХ КАЛЬВИНИЗМА[©]

В связи с революционными событиями 1905 г. и последующими реформами государственного строя исследования отечественных ученых начала XX века в области теории и истории государства и права обрели особую значимость. В 1906 г. вышел в свет трехтомный труд выдающегося историка, правоведа, социолога Максима Максимовича Ковалевского (1851-1916) «От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму» [5]. Историко-политическая проблематика интересовала Ковалевского не только как ученого, но и как общественно-политического деятеля: в 1905 г. Ковалевский стал основателем партии демократических реформ, в 1906 г. – депутатом I Государственной думы. По мнению Ковалевского, Россия не должна слепо копировать опыт других стран, но парламентаризм как форма политического устройства государства обладает неоспоримыми преимуществами и над «патриархальной монархией», и над «прямым народоправством» [Там же, т. 1, с. VI-VII].

Работа Ковалевского имела подзаголовок «Рост государства и его отражение в истории политических учений», что отражало особенность исследовательского подхода: ученый пытался показать неразрывную связь и взаимозависимость политических учений и политических институтов, начиная с античной демократии и заканчивая XVIII в.

Целью настоящей статьи является выявление оценок, данных М. М. Ковалевским политической теории кальвинизма XVI в. Несмотря на значительную степень изученности творческого наследия Ковалевского в отечественной историографии, данный аспект никогда не затрагивался исследователями. Главными источниками нашего исследования, помимо вышеупомянутого труда Ковалевского, стали лекции по истории политических учений Нового времени, прочитанные ученым в 1909-1910 гг. в Санкт-Петербургском политехническом институте [4].

Прожив почти 20 лет в Европе, Ковалевский, без сомнения, был отлично знаком с последними исследованиями европейских ученых и использовал самые актуальные из них при написании своего труда: в частности, это работы Жоржа Вейля [15], Пьера Имбар де ла Тура [14], Эмиля Думерга [11], Отто Гирке [13], Джона Невилла Фиггиса [12].

Учение Жана Кальвина Ковалевский охарактеризовал достаточно обще, почти вскользь. Историк констатировал, что женеvский реформатор, как и остальные «отцы-основатели» протестантизма, был лоялен в отношении светской власти и «имущих классов», для него были характерны «аристократические пристрастия» и идея повиновения власти предрежащим, имеющая одно исключение, – законы правителя не должны противоречить слову Божьему, иначе следует прибегнуть к пассивному сопротивлению. В этой оговорке заключался «зародыш», из которого развилась «более революционная доктрина» французских гугенотских публицистов – монархомахов [5, т. 2, с. 31-40]. Этот термин был впервые употреблен в сочинении Г. Баркляя в 1600 году [1, с. 284]. Ковалевский «русифицировал» его в «монархodelатели» (в труде «От прямого народоправства...») и «монархотрицатели» (в рассматриваемых нами лекциях). Оба варианта Ковалевского неудачны, поскольку французские гугеноты ни создавать, ни отрицать монархию не собирались, выступая против тирании, а не против монархии как таковой (более точным вариантом является слово «тираноборцы» [8]).

Главной причиной «отступления» французских кальвинистов от умеренных идей Кальвина Ковалевский считал религиозные гонения со стороны монархии: «еще до Варфоломеевской ночи зародились среди кальвинистов мысли, несогласные с теорией пассивного сопротивления», а события 1572 г. способствовали утверждению этих мыслей [4, с. 34-36].

Наибольшее внимание Ковалевский уделил анонимному трактату «Иск к тиранам». Его автор (ученый считал таковым Филиппа Дюплесси-Морне, сейчас считается, что его соавтором был Юбер Ланге) идет дальше Кальвина, допуская сопротивление в случае любого угнетения правителем подданных, ведь «народ

создает царей и вверяет им скипетры». Кроме того, в трактате фигурирует договор народа с правителем о взаимных нерушимых обязательствах, в случае нарушения которого сопротивляться тирану должны санытники из числа аристократии [5, т. 2, с. 34-38].

Также в труде Ковалевского упоминаются трактаты Франсуа Отмана «Франко-Галлия» и Теодора де Беза «О праве магистратов по отношению к подданным и об обязанностях подданных по отношению к магистратам». Общность учений всех французских монархомахов Ковалевский усматривал в их «неожиданном выводе» из идеи народного суверенитета: все они настроены на восстановление сословных Генеральных Штатов. Ковалевский объяснял это аристократическим происхождением авторов трактатов и социальной природой гугенотской верхушки в целом [Там же, с. 50-51], ссылаясь на И. В. Лучицкого, который, как известно, утверждал, что феодально-дворянская знать встала во главе кальвинистского движения во Франции в эпоху религиозных войн [7].

Ковалевский упоминал также о работах других кальвинистов XVI в.: англичанина Джона Понета («Краткий трактат о политической власти») и шотландца Джорджа Бьюкенена («О праве правления над шотландцами»). Ковалевский предположил, что французы заимствовали идеи Понета и «опирались на английские порядки», что подтверждается неоднократными похвалами в адрес английских учреждений, например, у Отмана [5, т. 2, с. 93]. Влияние Бьюкенена, по мнению Ковалевского, можно проследить в событиях Английской революции, поскольку шотландец вполне определенно высказывался по поводу необходимости не только свержения, но и убийства правителя-тирана [Там же, с. 115].

Представляется важным выделить два наиболее важных, с нашей точки зрения, аспекта в интерпретации проблемы политического содержания кальвинизма Ковалевским. Во-первых, он четко разделял умеренное учение Кальвина и радикальные идеи его последователей, отмечая общность лишь в религиозной окраске идей и симпатиях к аристократии. По мнению Ковалевского, последователи Кальвина гораздо больше заимствовали из средневековой мысли (М. Падуанский, И. Солсберийский, Н. Кузанский), нежели у своего лидера: идею принадлежности верховной власти народу, понимание государя как ставленника народа, идею тираноубийства. Подобную точку зрения можно встретить в работах авторитетных исследователей XX века, например, Дж. У. Аллена [10, р. 303-313]. Такой подход ставит под сомнение наличие политической доктрины кальвинизма как целостной системы воззрений, хотя, с другой стороны, подчеркивает непрерывность и преемственность в развитии политической мысли от средневековых истоков к Просвещению.

Во-вторых, Ковалевский пересмотрел значимость Реформации и протестантизма для появления идей прав и свобод личности. В тот период практически господствовала точка зрения немецкого правоведа Георга Еллинека о том, что права человека родились в «горниле» борьбы протестантов за религиозную свободу. В России Н. И. Кареев писал, что «борьба подданных против правительства за свободу совести – первая борьба личности против всепоглощающей государственности Нового времени и в этом – важнейшая политическая сторона Реформации» [3, с. 117]. Б. Н. Чичерин полагал, что «протестантизм носил начало свободы в самых своих основах» [9, с. 315]. В. И. Герье считал, что протестантизм с его идеей свободы являлся «антагонизмом средневековых идеалов» [2, с. 21-23].

М. М. Ковалевский, приводя в пример кальвиновскую Женеvu с ее «теократическими порядками» и гонениями за «религиозное разномыслие», замечал, что все это имеет мало общего со свободой совести, которая была для протестантов ценностью до того момента, пока они были в числе преследуемых. В политическом плане Реформация способствовала усилению абсолютистских тенденций в европейских государствах, устранив довлеющий фактор папского Рима [5, т. 2, с. 5-11]. Тем не менее, по мысли Ковалевского, именно кальвинисты в лице левеллеров в XVII в. сделали первый шаг по направлению к демократическим идеям и выступили в роли радикального крыла Английской революции [6]. Таким образом, по мнению Ковалевского, Реформация не вела непосредственно к утверждению политических и религиозных свобод, являясь своеобразным переходным этапом между «феодально-договорными» теориями Средневековья и просветительскими идеями народного суверенитета и общественного договора.

Список литературы

1. Виппер Р. Ю. Политические теории во Франции в эпоху религиозных войн // Журнал Министерства народного просвещения. 1896. № 8. С. 278-313.
2. Герье В. И. Новая история: лекции: литография. М., 1886. 510 с.
3. Кареев Н. И. Философия культурной и социальной истории Нового времени (1300-1800). Введение в историю XIX в. СПб., 1902. 205 с.
4. Ковалевский М. М. История политических учений Нового времени: лекции: литография. СПб., 1910. 293 с.
5. Ковалевский М. М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму: в 3-х т. М., 1906.
6. Ковалевский М. М. Родоначальники английского радикализма // Русская мысль. 1892. № 1-3; № 4; № 5.
7. Лучицкий И. В. Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. Киев, 1871. Т. 1. 562 с.
8. Трейман Р. Тираноборцы. СПб., 1906. 112 с.
9. Чичерин Б. Н. История политических учений: в 5-ти ч. М., 1869. Ч. 1. Древность и Средние века. 444 с.
10. Allen J. W. A History of Political Thought in the XVIth Century. L., 1957. 526 p.
11. Doumergue E. Jean Calvin: les hommes et les choses de son temps. Lausanne, 1899-1905. Vol. 1-3.
12. Figgis J. N. The Divine Right of Kings. Cambridge, 1896. 330 p.
13. Gierke O. Joh. Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien. Bresslau, 1902. 400 p.
14. Imbart de la Tour P. Les Origines de la Réforme. Paris, 1905. V. 1. 572 p.
15. Weill G. Les theories sur le pouvoir royal en France pendant les guerres du religion. Paris, 1892. 318 p.

M. M. KOVALEVSKY ON THE POLITICAL IDEAS OF CALVINISM

Savina Anna Viktorovna
Vologda State University
avsavina@ya.ru

The article focuses on interpreting the political ideas of Calvinism in the works of the outstanding Russian scientist M. M. Kovalevsky (1851-1916). His fundamental treatise "From Direct Democracy to Representative One and from Patriarchal Monarchy to Parliamentarism" (1906) served as the basic source. The author examines the historian's evaluations regarding the political ideas of J. Calvin and his followers in France, England, Scotland and the scientist's viewpoint on the importance of Reformation in the formation of the liberal-democratic ideas of the modern history.

Key words and phrases: M. M. Kovalevsky; Reformation; Calvinism; J. Calvin; Monarchomachs; tyrannicides; Protestantism.

УДК 94(38)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается влияние деда и отца Кира Великого на него как на будущего царя и показывает их роль в его воспитании. Находясь в Мидии у царя Астиага, деда по матери, Кир получает практические навыки – учится езде верхом, послушанию, охотится, – тем самым готовясь и к военным действиям, в которых впервые принимает участие, когда ассирийцы напали на мидян. У отца царевич учится искусству мантики, умению управлять людьми и тактике; кроме того, отец Кира в своей речи говорит, как должны строиться отношения между персидским царем и его народом. Таким образом, согласно Ксенофону, от деда и от отца Кир взял лучшее, что было у каждого из них. От деда царевич получает практические навыки, тогда как от отца – теоретические. В отличие от деда и отца, Кир вышел за пределы территории своего родного государства и создал государство, которое отличалось как от Мидии, так и от Персии.

Ключевые слова и фразы: Астиаг; Камбиз; Кир Великий; Ксенофонт; «Киропедия»; царская власть; Древний Иран.

Сапогов Александр Сергеевич

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
as_sapogov@mail.ru

**АСТИАГ И КАМБИЗ: МИДИЙСКИЙ И ПЕРСИДСКИЙ ИСТОКИ
ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ КИРА ВЕЛИКОГО[©]**

Ксенофонт Афинский (ок. 430 – ок. 355 г. до н.э.) посвятил «Киропедию» (*Kyrou paideia*) Киру Великому и рассказал в ней о тех, кто принимал участие в воспитании будущего правителя. Важно рассмотреть, как древнегреческий историк описывает и оценивает отца и деда Кира, которые внесли решающий вклад в воспитание юного царевича.

Царь Мидии Астиаг, дед Кира по матери, как действующее лицо появляется в начале «Киропедии», когда его дочь Мандана привозит двенадцатилетнего Кира в Мидию (I.3.1-2) [6, с. 10-11]. Чертой, отличающей Астиага от других царей в «Киропедии», является его внешность, как она бросилась в глаза Киру во время их первой встречи. Историк говорит, что юный царевич увидел деда в роскошном наряде, с подведенными глазами, накувырнутым, с накладными волосами (*kai horōn dē auton kekosmēmenon kai ophthalmōn hypographēi kai chrōmatos entripsei kai komais prosthetois* – I.3.2) [Там же].

По словам Ксенофонта, это произвело впечатление на Кира, который воскликнул: «Мать, как прекрасен мой дед!», – и после этого на вопрос Манданы, кто кажется ему красивее – отец или дед, ответил, что из персов – отец, а из мидян – дед. После этого царь воздал Киру почести, украсив его гривнами и браслетами (*enedyse kai streptois kai pseliois etima kai ekosmei* – I.3.3) [Там же, с. 11]. Далее Ксенофонт сообщает, что если Астиаг отправлялся в путь, он брал с собой Кира, который при этом ехал верхом на коне с золотой уздечкой, как обычно выезжал и сам Астиаг, а Кир радовался возможности учиться верховой езде, поскольку в Персии он имел меньше условий для этого [Там же]. Здесь указывается как раз то, что будущий правитель получает от своего деда, а именно: первые почести в виде украшений, а также обучение верховой езде.

Историк повествует об одном из обедов Кира и Манданы с Астиагом (I.3.4-12) [Там же, с. 11-13]. Астиаг хотел угостить внука самыми вкусными блюдами и предлагал ему различные яства. Ксенофонт описывает реакцию юного Кира: «Как говорят (*phasi*), Кир сказал при этом: “Дедушка, как много неприятностей доставляет тебе этот обед, если тебе приходится тянуть руки ко всем этим сосудам и отведывать от каждого из этих